

М. В. Шкаровский

ВОЕННЫЕ ПОТряСЕНИЯ ФИНЛЯНДСКОЙ ПРАВОСЛАВНОЙ ЦЕРКВИ В 1939–1945 ГОДАХ

В 1941–1944 годах Западную Карелию, северные и северо-восточные районы Ленинградской области временно захватили финские войска. Религиозная жизнь там имела свои особенности. Православная церковь на территории Финляндии после отделения этой страны от России 11 февраля 1921 года получила автономию от Московской патриархии. Но 6 июня 1923 года она была принята с правами широкой автономии в Константинопольский патриархат. В межвоенный период Финляндская православная церковь значительно окрепла и выросла численно — с 55 тыс. верующих в 1920 году до 81 тыс., в том числе 65 тыс. финнов, в 1940-м. Она состояла из двух епархий — Карельской (16 приходов) и Выборгской (13 приходов), окормляемых 50 священниками, и имела 4 монастыря: Спасо-Преображенский Валаамский (200 монахов), Коневский (20), Свято-Троицкий Трифоно-Печенгский (17) и женскую монашескую общину в Линтуле, получившую статус монастыря в 1932 году (34 насельницы). Резиденция главы церкви архиепископа Германа (Аава, 1878–1961) находилась в Сортавале (Сердоболе), там же в 1918 году была открыта Духовная семинария. В 1935 году правительство Финляндии разрешило православной церкви взимать церковный налог¹.

После Советско-финской («Зимней») войны 1939–1940 годов по условиям Московского мирного договора юго-восточные районы Финляндии отошли к СССР, и 55 тыс. православных финнов из 18 приходов (около 70 % прихожан) были вынуждены эвакуироваться вглубь страны, три монастыря из четырех оказались утрачены, их насельники также эвакуировались. Духовная семинария и Выборгский епископ переехали в Хельсинки, а архиепископ Герман — в г. Куопио. В ходе эвакуации в Финляндию было

вывезено множество церковных святынь, которые и сейчас считаются наиболее почитаемыми в финских православных храмах. Так, главная святыня в Успенском кафедральном соборе Хельсинки — вывезенная из Выборга чудотворная Козельщанская икона Божией Матери². Община храма Казанской иконы Божией Матери в Терийоках (ныне — г. Зеленогорск) во главе с настоятелем протоиереем Михаилом Орфинским и диаконом Антонием Александровичем Быстриевским вывезла все святыни в Ярвенпяя, где был образован русский приход Финляндской православной церкви (сначала служба совершалась в спортивном зале, а затем в построенной церкви) и т.д.³

Отошедшие к СССР земли, включенные в состав созданной 31 марта 1940 года Карело-Финской ССР, оказались почти безлюдными, вследствие этого существовавшие на них храмы перестали действовать⁴. Мирная передышка в советско-финляндских отношениях была недолгой. О планах архиепископа Германа накануне начала второй войны с СССР говорится в докладе немецкого священника Л. Зентрке из Турку в МИД от 13 сентября 1941 года. В нем священник передавал содержание двух своих бесед с владыкой, состоявшихся 13–14 июня 1941 года. Архиепископ Герман был уверен в скором начале войны и заявил, что в случае передачи Финляндии территории Карелии (где проживали, кроме русских, родственные финнам православные карелы) она, вероятно, будет подчинена Православной церкви Финляндии: «Этим нашей церкви была бы поручена новая важная задача. Она должна помочь действительно включить это население в финский народ и вместе с тем возвысить его духовно и религиозно»⁵.

Как Православная, так и Евангелическо-Лютеранская церкви Финляндии благословили начало летом 1941 года новой войны с СССР. 26 июня шесть финских лютеранских епископов обратились к пастве в связи с началом войны с совместным призывом, в котором говорилось: «Снова народ Финляндии исполнен благодарности при мысли, что он опять призван выступить на защиту святой христианской веры и западной христианской культуры»⁶.

В первые месяцы войны финские войска заняли часть Карелии (с населением свыше 80 тыс. человек) и Ленинградской области. Архиепископ Герман вернулся в Сортавалу и приступил к осуществлению своих миссионерских и националистических планов. В сентябре 1941 года миссионерская работа в Карелии уже велась шестью представителями православного военного духовенства и, кроме того, тридцатью священниками, монахами, диаконами и шестью обученными мирянами, также планировалось напра-

вить на занятые территории 250 православных учителей. Финская церковная газета «Ферзамлингсбладет» 18 сентября сообщила, что Общество распространения Библии в России выпустило 5 тыс. православных молитвенников для раздачи советским военнопленным. Спрос на них оказался значительно выше ожидавшегося. К этому времени дважды в месяц стал выходить церковный листок на русском языке «Друг военнопленных» тиражом 7 тыс. экземпляров, которые распространялись в лагерях⁷.

В некоторых из них были православные священнослужители из числа самих пленных. Так, с июня 1942-го по август 1944 года в лагере советских военнопленных в г. Лаппеэнранта проводил богослужения священник Иоанн Иаковлевич Сафронов. Он попал в плен к финнам, работал на строительстве оборонительных сооружений и получил от администрации лагеря официальное разрешение исполнять обязанности священника. После окончания войны о. Иоанн служил настоятелем Троицкой церкви с. Подгощи Шимского района Новгородской области и был арестован 29 марта 1949 года по обвинению в проведении антисоветской агитации в период пребывания в Финляндии. 26 ноября 1949 года Военный трибунал войск МВД Ленинградского округа приговорил священника к 25 годам лагерей, но 24 октября 1955 года он был освобожден по амнистии, а в 1992 году реабилитирован⁸.

В целом существовала большая разница между Финляндией и Германией, где миссионерская деятельность среди советских военнопленных в основном запрещалась. Впрочем, у финнов имелся некоторый опыт еще со времен войны 1939–1940 годов. Уже тогда советские военнопленные читали в лагерях Евангелие, и значительное их число участвовало в регулярно проводившихся богослужениях. Перед тем как финские войска по мирному договору оставили передаваемый под советскую военную базу полуостров Ханко, они положили в каждый дом Новый Завет на русском языке⁹.

Евангелическо-Лютеранская церковь Финляндии тоже старалась вести активную работу в Карелии. Один из руководителей этой церкви, епископ Тампере М.А. Летонен, в ноябре 1941 года посетил занятые финскими войсками территории и увидел там большое поле для деятельности по преодолению последствий атеистического воспитания. Согласно газетной статье, рассказавшей о поездке епископа, его особенно поразила реакция двух молодых женщин на вопрос: «Знают ли они, кто был Иисус Христос?» Женщины ответили: «Мы это не знаем, во всяком случае, он жил не в этой деревне»¹⁰.

В газетной статье участвовавший в «деле евангелизации» доктор П. Вирккунен в январе 1942 года назвал подобную деятельность важней-

шей для церкви в настоящее время: «Сегодня в разгар войны перед нами стоит огромная задача — снова сделать здесь финских людей душевно свободными... Мы хотим теперь с Божией помощью спасти эту молодежь для Евангелия». Уделяла внимание Евангелическо-Лютеранская церковь и лагерям советских военнопленных. Иногда это приводило к конфликтам с заключенными, однажды даже был убит секретарь финляндского архиепископа пастор Кунила в Турку при душепопечительном посещении тюрьмы. В «Известиях Германской евангелической церкви» № 30 от 1 марта 1942 года сообщалось: «Убийца не проявляет никаких следов раскаяния, напротив, он цинично заявил, что ему, как убежденному коммунисту, совершенно безразлично, что он сам убил своего благодетеля»¹¹.

Часть финских православных общин на утраченных в 1940 году территориях была воссоздана. Так, приехавший в январе 1942 года в Карелию православный священник Пааво Саарикоски посетил возрожденную церковь с. Массила. В другом селе Виелярви он по приглашению жителей крестил их детей, во многих карельских деревнях на прежней советской территории раздавал крестьянам иконки, назидательные поучения и нашел, что, «несмотря на безбожие большевиков, народ остался верующим». В сообщении Католической информационной службы «Кипа» от 29 июня 1942 года говорилось, что население Выборга составляет 100 тыс. человек, и различные религиозные общины города провели собрания с целью открытия церквей, до недавнего же времени лютеране Выборга были вынуждены использовать для богослужения зал в жилом доме.

В дальнейшем в городе открылась Петропавловская кирка. Подобная ситуация была и у православных. В 1942 году в Выборг вернулся протоиерей Леонид Хоманен, до марта 1940 года служивший настоятелем финского православного прихода, и возобновил богослужения в Ильинской церкви. Деревянный храм Успения Божией Матери на кладбище был отремонтирован в 1942–1943 годах, и в нем также начались службы. Кафедральный же собор Преображения Господня был занят под склад советского трофейного оружия и, таким образом, не действовал (с 1940 по 1948 год).

В г. Кексгольме (ныне — Приозерске) открылись два православных храма — собор Рождества Пресвятой Богородицы и кладбищенская церковь Всех Святых. В Сортавале архиепископ Герман летом 1943 года освятил восстановленную городскую Никольскую церковь, в этот день на торжественное архиерейское богослужение прибыли богомольцы из различных районов Карелии. Кроме того, в Сортавале возобновились богослужения в Никольской церкви на Валаамском подворье и домовом храме Духовной

семинарии. Открывались храмы и на оккупированных «старых» советских территориях. Так, в Петрозаводске вновь стали действовать две недавно закрытые церкви — Екатерининская и Крестовоздвиженская, в последней служил иеромонах Павел (Олмари, до 1927 года имевший фамилию Гусев, 1914–1988) — будущий преемник архиепископа Германа в качестве председателя Финляндской православной церкви (1960–1987). В г. Олонце также открылись два храма — Успенская кладбищенская церковь и Никольский собор, в них служил местный уроженец иеромонах Савва (Саханов). В числе других населенных пунктов Карелии богослужения возобновились в Ладве, Шелтозере, Соломенном, Кондопоге, а в Ленинградской области — в Важинах и Гимреке. Правда, порой финские войска устраивали в православных храмах гарнизонные лютеранские кирки. Таким образом, они поступили с Олонецкой Смоленской церковью «на острове», православным храмом с. Хевроньино на р. Свирь и др.¹³ В Александро-Свирском монастыре в период оккупации находился финский военный госпиталь, но достоверных сведений о проведении лютеранских или православных богослужений в монастырских храмах нет.

Ни один из трех закрытых в 1940 году монастырей Финляндской православной церкви полностью возрожден не был, хотя в отношении Валаамского и Коневского такие попытки предпринимались. Монахи ушли с Валаама 19 марта 1940 года, и на нем были устроены школа юнг и военная база. 19 сентября 1941 года советский гарнизон оставил архипелаг, и 21 сентября финские войска заняли его без боя, что спасло монастырские храмы от разрушения. Через месяц несколько бывших насельников монастыря во главе с настоятелем игуменом Харитоном совершили поездку на острова. 20 октября они осмотрели почти неповрежденное подворье в г. Сортавала и 21 октября прибыли на Валаам. На следующий день монахи отслужили молебен преподобным Сергию и Герману Валаамским и Божией Матери в соборе, использовавшемся ранее под клуб советской военной базы. 28 октября 1941 года насельники покинули острова, вернувшись к остальной братии, проживавшей в местечке Папинниеме. Находившийся относительно недалеко от линии фронта Валаам занимали финские войска, и поэтому обитель не была возрождена во время войны. Правда, летом 1942 и 1943 годов семь монахов все же приезжали на остров и периодически служили в монастырских храмах¹⁴.

Насельники Коневского Богородице-Рождественского монастыря на острове Коневец покинули свою обитель также в марте 1940 года. Ее настоятель игумен Маврикий (Сережин) первоначально нашел место для

их размещения в селении Хамула коммуны Кейтеле в Северном Саво. Осенью 1941 года часть иноков снова прибыла на остров, пытаясь возродить монашескую жизнь. К тому времени все храмы, кроме Никольской церкви, сильно пострадали (их иконостасы были выломаны), и богослужения возобновились только в ней (с августа 1942 года). В 1944 году у алтаря Богородице-Рождественского собора согласно завещанию был погребен умерший 12 февраля в Финляндии (в г. Куопио) игумен Маврикий. 19 августа 1944 года последние насельники навсегда покинули о. Коневец, причем при эвакуации погиб наместник иеромонах Адриан. В дальнейшем, после нескольких лет скитаний, 32 коневских инока обосновались в усадьбе Хиекка коммуны Кейтеле, где монастырь просуществовал до середины 1950-х годов. 31 августа 1956 года девять последних насельников во главе с иеромонахом Дорофеем (Беляковым) переехали в Ново-Валаамский монастырь в Папинниеме, взяв с собой чудотворную Коневскую икону Божией Матери¹⁵.

В целом к концу 1943 — началу 1944 года в Карелии открылось около 40 православных храмов (после изгнания финнов на 1 ноября 1944 года в списке действующих числилось 18 церквей). Однако богослужения, как и восстановленное преподавание Закона Божия, проводились на финском языке. На Карельском перешейке и в Подпорожском, Вознесенском, Лодейнопольском районах Ленинградской области возобновили свое функционирование примерно 20 православных храмов. Служили в них, как и в карельских, в основном финские священники, в том числе военные, и иеромонахи Валаамского монастыря. На богослужениях они поминали архиепископа Германа и президента Финляндии Рюти¹⁶.

В январе 1942 года в оккупированной части Карелии действовали уже 150 учителей христианских народных школ и молодых священников. Все это делалось с санкции и при поддержке военной администрации. Так, в газетной статье священник Пааво Саарикоски писал: «Православная церковь Финляндии готова оказать помощь этим братьям по вере всеми имеющимися в ее распоряжении средствами. Финская военная администрация поддерживает эти устремления»¹⁷.

Аналогичный вывод можно сделать и на основе донесения командования советского Карельского фронта: «При Военном управлении Восточной Карелии имеется отдел просвещения, который через окружные и районные управления осуществляет контроль и руководство школьными и религиозными заведениями. В распоряжении отдела просвещения имеется группа попов, которая должна обслуживать население. В некоторых наиболее

крупных населенных пунктах открыты церкви. Попам, служащим в финских частях, предоставлена также возможность обслуживать гражданское население, но это производится только по просьбе попов, состоящих в штате при Военном управлении»¹⁸.

В обязательном порядке вводились крещение детей и оформление церковных браков, активно преподавали уроки Закона Божия. В созданных христианских народных школах большое внимание уделялось идеологическому воспитанию молодежи «в национальном духе». Окончившие такие школы получали свидетельства и в основном принимали лютеранскую веру, после чего могли принимать финляндское подданство¹⁹.

В официальном приказе главнокомандующего финской армией маршала Маннергейма «Об организации религиозной жизни на территории Восточной Карелии» говорилось следующее: «1. Каждый, кто относится к населению Восточной Карелии... может вступить в разрешенные на территории Военного управления Восточной Карелии (ВУВК) религиозные общины или выйти из них. Разрешенными религиозными общинами, которые имеют право открыто совершать обряды, являются евангелическо-лютеранская и православная церкви, также другие религиозные общины, на деятельность которых на территории Восточной Карелии дает особое разрешение командир Военного управления; 2. В органах управления религиозной общиной находятся представители Военного управления Восточной Карелии и подчиненные им должностные лица и служащие, которые назначаются командиром Военного управления...»²⁰

Во исполнение данного указания командир Военного управления Восточной Карелии подполковник В. Котилайнен 5 мая 1942 года издал свой приказ, в котором отмечалось: «Главкомандующий “армией Финляндии” считает, что на территории Военного управления Восточной Карелии среди населения не должно проводиться никакой религиозной агитации. Тот, кто хочет, в соответствии с данным вышеуказанным приказом имеет возможность вступить в любую религиозную общину, должен сделать выбор совершенно свободно по своим убеждениям, без уговоров и принуждения...»²¹

Вероятно, на указание об ограничении религиозной агитации в этих приказах повлияла соответствующая немецкая политика на оккупированных территориях СССР и личные директивы А. Гитлера о категорическом запрещении содействия развитию там церковной жизни. Из приведенных выше приказов также видно, что вся религиозная деятельность территории Военного управления Восточной Карелии достаточно строго контролиро-

валась и регламентировалась в соответствии целями и задачами Финляндии по овладению прилегающими территориями Советского Союза.

По официальным данным Военного управления Восточной Карелии, на 30 июня 1942 года в оккупированной части Карело-Финской ССР насчитывалось 4069 человек, состоявших в православных общинах, и 665 — в евангелическо-лютеранских. По всей видимости, эти сведения были далеко не полными, так как в конце 1943 года, по данным того же Военного управления, число православных составляло уже 30 632 человека, а лютеран — 2203²². Возможно также, что число верующих действительно несколько выросло.

К этому времени в финских частях в Карелии служили 11 лютеранских военных священников и 14 их помощников, а также 6 православных священников и 7 их помощников. Все они имели воинские звания и вне храма носили мундир. Указанные шесть православных священников в основном были выпускниками Сортавальской духовной семинарии: Серафим Филин, Михаил Куха, Олаф Петсало, Александр Казанко (Казанский), Пентти Хярконен и Вильхо Патронен. Для местных карельских жителей они служили эпизодически на финском языке и могли удовлетворять только первоочередные духовные потребности населения. Восстановления приходской жизни в полном объеме не произошло. «Восточная Карелия» не была окончательно включена в состав Финляндской православной церкви, руководство которой считало это неуместным до конца войны и заключения мирного договора. Поэтому архиепископ Герман не выезжал за границы 1940 года²³.

Следует отметить, что, в отличие от карел, большая часть русского населения была заключена в лагеря. При этом многие деревни Карелии и Пюсвирия имели смешанное население, и решение жителей, какой из них интернировать, а какой оставлять на месте, нередко принималось совершенно произвольно. Установленный в лагерях режим был очень жестоким, уже в первый год многие интернированные умерли от голода, болезней и непосильного принудительного труда. Во второй год войны вмешался Международный Красный Крест, и условия содержания немного изменились к лучшему. Большая часть лагерей находилась вблизи Петрозаводска. Там проживал единственный уцелевший в ходе репрессий 1930-х годов заштатный священник Петр Макаров, и с конца 1941 года он стал исполнять пастьерские обязанности в четырех устроенных в лагерных бараках домовых церквях и молитвенных помещениях (во 2, 3, 5 и 6 лагерях). Только в июле–сентябре 1943 года о. Петр совершил в них 53 службы, на которых присут-

ствовало 11 500 молящихся и 1692 причастника, 27 молебнов с 6895 молящимися, 103 крещения, 32 отпевания, 26 панихид, 55 заказных молебнов, 55 заказных панихид, 26 миропомазаний и 32 приобщения больных²⁴. Все это утешало людей и давало им силы и надежду выжить в нечеловеческих условиях.

В составленной Ленинградским обкомом ВКП(б) в 1944 году информационной записке «О злодеяниях немецко-фашистских захватчиков в бывших оккупированных северных районах Ленинградской области и в районах Карельского перешейка» говорилось: «В северных районах Ленинградской области озверелые лахтари объявили все мирное население пленными. Целые семьи угонялись в рабство в Финляндию... Другую часть населения финны содержали в лагерях... До войны в Вознесенском, Подпорожском и Лодейнопольском районах проживало 86 676 чел., после освобождения районов от финских оккупантов на 20 июля учтено 1457 человек мирных граждан, бежавших из лагерей. В лагерях финские захватчики устанавливали режим голода и палки... Вследствие непосильного труда и голодного пайка... в лагерях была большая смертность. Только в одном Ильинском лагере от голода умерло 300 человек». Кроме того, финская армия в ходе боевых действий уничтожила несколько православных храмов, например две церкви в г. Лодейное Поле²⁵.

В июне–июле 1944 года Карелия и северная часть Ленинградской области были освобождены. Почти все финские священники, избежав репрессий, ушли с отступавшими войсками, и большинство приходов осталось без духовенства. Финляндская православная церковь после окончания войны вновь переживала тяжелый период, связанный с размещением на новом месте эвакуированных прихожан и монахов. Во второй половине 1940-х годов шли переговоры о ее возвращении под юрисдикцию Московского патриархата, но в конце концов они закончились неудачей, и Финляндская православная церковь осталась под окормлением Константинопольского патриарха.

* * *

¹ Bundesarchiv Berlin (BA), R 901/62300. Bl. 36–42.

² Элина К. Значение Севера в понимании духовности и святости // Север и история: материалы региональной научно-богословской историко-краеведческой конференции. Четвертые Феодоритовские чтения. Мурманск; СПб., 2012. С. 154–155.

³ Жаворонкова Н. Пасха / публ. и коммент. В.Ю. Черняева // Нансеновские чтения–2010. СПб., 2012. С. 323–324.

⁴ Бовкало А.А., Галкин А.К. Религиозная жизнь в Карелии в первое десятилетие после «Большого террора» // Финно-угры и соседи: проблемы этнокультурного взаимодействия в Балтийском и Баренцевом регионах. СПб., 2002. С. 265–266, 373, 375.

⁵ ВА, Р 901/62300. Вл. 36–44.

⁶ Там же. NS 15/552. Вл. 14.

⁷ Там же. Р 901/62291. Вл. 228–231, 234.

⁸ Справка Управления ФСБ РФ по Новгородской области от 30 июня 1994 года.

⁹ ВА, Р 5101/22415. Вл. 39.

¹⁰ Там же.

¹¹ Там же. Р 901/69292. Вл. 149; Р 901/69302. Вл. 81; NS 15/552. Вл. 2.

¹² Там же. NS 15/552. Вл. 27, 30.

¹³ Бовкало А.А., Галкин А.К. Указ. соч. С. 267–268; По обе стороны Карельского фронта. 1941–1944 гг. Документы и материалы. Петрозаводск, 1995. С. 209, 229.

¹⁴ Православная Русь. 1941. № 17–18. С. 7, № 21–22. С. 6–7.

¹⁵ Берташ А. Коневский Богородице-Рождественский мужской монастырь на о. Коневец // Журнал Московской патриархии. 2003. № 5. С. 43.

¹⁶ Центральный государственный архив Санкт-Петербурга (ЦГА СПб.). Ф. 9324. Оп. 1. Д. 7. Л. 95, 115.

¹⁷ ВА, Р 901/69292. Вл. 149.

¹⁸ Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). Ф. 17. Оп. 125. Д. 92. Л. 81.

¹⁹ Неизвестная Карелия. Документы спецорганов о жизни республики. 1941–1956 гг. Петрозаводск, 1999. С. 124–129; Макуров В.Г. О религиозной ситуации на оккупированной финнами территории Карелии. 1941–1944 гг. // Санкт-Петербург и страны Северной Европы: материалы Тринадцатой ежегод. науч. конф. (5–7 апреля 2011 г.). СПб., 2012. С. 379.

²⁰ Макуров В.Г. Указ. соч. С. 377.

²¹ По обе стороны Карельского фронта. С. 228–229

²² По обе стороны Карельского фронта. С. 413, 262; Макуров В.Г. Указ. соч. С. 378.

²³ По обе стороны Карельского фронта. С. 228–229; Бовкало А.А., Галкин А.К. Указ. соч. С. 267–268.

²⁴ Бовкало А.А., Галкин А.К. Указ. соч. С. 267, 275; Вестник Мемориала. 1993. № 2(6). С. 33–34.

²⁵ ЦГА СПб. Ф. 7179. Оп. 53. Д. 89. Л. 178–180.